

А. А. Ефимов

«Полусухой» закон: особенности регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в период Первой мировой войны

Взаимодействие власти и частного бизнеса — один из важнейших вопросов экономической науки в настоящее время. Однако и для специалистов-историков эта тема представляет несомненный интерес. В частности, в области экономической истории значимое место занимает проблема организации и регулирования торговли алкогольной продукцией в Российской империи. Особого внимания заслуживает проблема ограничения распространения спиртного в годы Первой мировой войны. В разных аспектах к ней обращались А. Мак-Ки, Е. П. Барина, Н. А. Розинская, И. А. Чуканов, Е. Ю. Семенова, П. П. Щербинин¹ и др., рассматривавшие как общие политические и социально-экономические вопросы истории сухого закона в России, так и местные особенности антиалкогольной политики царского правительства в разных регионах. Однако, как и во многих других исторических проблемах, здесь остаются «неосвещенные участки», например вопрос об организации торговли алкогольной продукцией в дворцовых городах Петроградской губернии (Царском Селе, Гатчине и Петергофе). Эти города имели особый статус и не подчинялись напрямую общему губернскому руководству, находясь в ведении Министерства императорского двора.

Ограничения на торговлю алкоголем начали вводиться правительством в дворцовых городах еще за две

Ефимов Андрей Александрович
канд. ист. наук,
науч. сотр.,
Санкт-Петербургский
институт истории
РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

недели до действительного начала Первой мировой войны. 16 июля 1914 г. губернатор Санкт-Петербурга граф А. В. Адлерберг направил шифрованную телеграмму полицмейстеру Царского Села, в которой предписывал на случай мобилизации сделать предварительное распоряжение о закрытии торговли спиртными напитками².

С началом Первой мировой войны на территории Российской империи были введены запретительно-ограничительные меры в отношении продажи спиртного: запрещалась свободная торговля крепким алкоголем, а продажа пива и виноградных вин лимитировалась.

Подобные распоряжения, разумеется, вызвали обеспокоенность у предпринимателей, которые стали подавать обращения с просьбой разъяснить им, будет ли разрешена продажа хотя бы пива и виноградных вин. Свой интерес в уточнении этого вопроса имелся и у представителей местных органов общественного управления, которые должны были производить распределение сборов с держателей торговых точек. Царскосельская городская ратуша 12 сентября 1914 г. обратилась к полицмейстеру Царского Села за необходимыми уточнениями.

Вопрос прояснился через две недели, когда 24 сентября 1914 г. петроградский губернатор граф А. В. Адлерберг через свою канцелярию направил уездным исправникам и полицмейстерам циркуляр, которым распорядился о запрете на все время военного положения торговли крепкими напитками во всех заведениях без какого бы то ни было исключения³.

Отсутствие четких временных критериев действия распоряжений об ограничении торговли алкоголем, с одной стороны, позволяло коммерсантам надеяться на возобновление работы своих предприятий, а с другой — требовало от местной администрации определенной осторожности в своих действиях. Так, поступившее в середине октября 1914 г. в Гатчинское дворцовое управление прошение доверенного Российско-Баварского пивоваренного общества «Бавария» о разрешении производить торговлю пивом распивочно и на вынос на основании рапорта полицмейстера города было отклонено как преждевременное «до выяснения общего вопроса о торговле крепкими напитками и пивом»⁴.

На рубеже 1914–1915 гг. порядок рассмотрения обращений изменился, например, на уровне Гатчины при условии общего соответствия довоенным нормам ставилась виза об отсутствии возражений, а для окончательного решения бумаги пересылались в Управление акцизных сборов Петроградской губернии⁵. Таким образом, местное Дворцовое правление снимало с себя бремя ответственности за разрешение на производство торговли алкоголем или отказ в нем.

В начале 1915 г. правительство признало, что введенные ограничения требуют определенного уточнения. В середине января 1915 г. Управление акцизных сборов направило начальнику Гатчинского дворцового управления Н. Н. Крестьянову пространное отношение, где предлагало на согласование список частных питейных заведений, которым могло бы быть разрешено торговать крепкими напитками при условии введения в будущем законодательных

послаблений, поскольку чиновники отмечали вероятность того, что военные действия завершились бы в течение наступившего года. Подготовка подобного документа была вызвана валом обращений предпринимателей, торговавших ранее спиртными напитками и, несмотря на понесенные уже убытки, надеявшихся на возобновление деятельности в наступившем году. Предполагалось четко установить, кто имел основания надеяться на это, а кто должен был смириться с окончательным закрытием своих заведений. Однако и чрезмерное сокращение числа подобных предприятий, по мнению Управления акцизных сборов, было недопустимым: «В противном случае последует беспорядочное переполнение публикой оставшихся заведений и развитие всевозможным видом корчемства, каковой вид питейной торговли наиболее повинен в спаивании населения». В целом на 1915 г. предлагалось лишить ренсковый погреб Овчинниковой права «продажи казенных питей», закрыть одну гостиницу, два железнодорожных буфета третьего класса, один буфет при банях, пять ренсковых погребов, три распивочных пивных лавки и одну выносную пивную лавку. Значительный масштаб сокращения количества пивных лавок, число которых предлагалось снизить с семи до трех, мотивировался тем обстоятельством, что действовавшие заведения не отвечали санитарным требованиям и допускали незаконную продажу крепких напитков. В случае же сокращения их числа управляющий акцизными сборами предполагал, что более качественный надзор и потенциальный рост доходности вместе поспособствуют облагораживанию этих предприятий⁶. Вместе с тем Канцелярия петроградского губернатора, интересуясь отношением руководства Гатчины к торговле алкоголем, уведомляла о поступивших от представителей ряда городов обращения о полном запрете продажи спиртного и о принятом Царскосельским попечительством о народной трезвости решении ходатайствовать о том же самом. В ответ на это начальник Гатчинского дворцового управления отмечал, что со своей стороны готов разрешить продажу виноградного вина крепостью до 16 градусов вообще всем ренсковым погребам города во избежание проявлений недобросовестной конкуренции и чрезмерного роста цен. Процесс утверждения списка «избранных» затянулся до середины марта 1915 г., и итоговый перечень показал соотношение 50 на 50⁷.

Подобный документ примерно в то же время был направлен и в Петергоф. Основные его положения совпадают с положениями, изложенными в письме руководству Гатчины; значительное внимание уделяется проблеме нарушений правил торговли и санитарии содержателями пивных лавок. В Петергофе их число по указанным выше основаниям и предположениям предлагалось сократить вдвое с шести до трех, ликвидировав также лавку, торговавшую пивом на вынос. Кроме того, Управление акцизных сборов планировало лишить ренсковые погреба права продажи казенного вина, закрыть одну гостиницу первого разряда, одну гостиницу третьего разряда, два железнодорожных буфета третьего класса и два ренсковых погреба. Это решение и было согласовано⁸.

Возобновление торговли алкоголем в дворцовых городах в 1915 г. повсеместно привело к возмущениям общественности, а со временем это начало вызывать недовольство и у представителей местной администрации.

10 мая 1915 г. военный комендант Царского Села генерал от инфантерии Н. В. Осипов направил бургомистру отношение, в котором обращал внимание на появление значительного числа нижних чинов в нетрезвом состоянии. При этом источником алкогольных напитков становились лавки частных предпринимателей, которые продавали свободно всем и каждому виноградные вина, а иногда под видом последних реализовывали крепкие алкогольные напитки, как то: коньяк, ром и др. Кроме того, обращалось внимание и на появление в городе лиц, специально приезжавших из Петрограда для закупки большого количества винной продукции. Подобная практика признавалась предосудительной, и Н. В. Осипов просил принять необходимые меры.

19 мая 1915 г. временно исполнявший должность полицмейстера Царского Села капитан Егулов направил начальнику Царскосельского дворцового управления князю М. С. Путятину рапорт, отмечая, что торговля легкими виноградными винами в Царском Селе приводит к нежелательным последствиям, в частности к росту пьянства среди населения и облегчению производства и сбыта разнообразных суррогатных напитков, в которых вино применяется как вкусовая добавка. Кроме того, приобретенные в городе алкогольные напитки вывозятся в значительных объемах в Петроград, где продажа спиртного полностью запрещена. Закономерным выводом из изложенного стало ходатайство о необходимости подготовки документа о полном запрещении торговли алкоголем в Царском Селе.

На следующий день свое донесение руководителю дворцового управления представил от имени Ратуши бургомистр Н. К. Харченко. Он обращал внимание на то, что многие горожане и официальные лица высказывали недовольство фактом свободной торговли алкогольными напитками в городе, в то время как в столице и многих других населенных пунктах этот род коммерции строго ограничен: «Царское Село в настоящее время явилось как бы главным складом вин и рассадником пьянства столицы и уезда». В город приезжали для приобретения значительных объемов вина как жители уезда, так и перекупщики вина из Петрограда, которые в целях обхода ограничений на перевозку алкоголя по железной дороге или прибывали большими группами для совместной перевозки этого товара в ручной клади, или нанимали извозчиков и пользовались велосипедами. В заключение Н. К. Харченко отмечал, что Городовая ратуша на заседании 18 мая постановила просить обратиться к петроградскому губернатору с инициативой полного запрещения свободной продажи вин до окончания военных действий⁹. Однако немедленных мер по дальнейшему развитию этой инициативы ни самим бургомистром, ни руководителем Дворцового управления предпринято не было, и свободная торговля виноградным вином в городе продолжалась.

Через неделю начальнику Царскосельского дворцового управления поступило обращение настоятеля Царскосельского Екатерининского собора протоиерея А. И. Беляева. Святой отец отмечал, что приостановка торговли алкоголем оказала благоприятное воздействие на прихожан его храма и их жизнь. В тот момент он приветствовал решение властей и надеялся, что это станет лишь началом кампании за полное прекращение продажи спиртных напитков.

Однако последовавшее возобновление виноторговли поставило крест на его чаяниях. Открытие лавок вызвало настоящее «паломничество» из окрестных мест и даже Петрограда, в городе вновь стало процветать пьянство, а нечистоплотные коммерсанты стали использовать вино для изготовления суррогатов. При этом прихожане, главным образом женщины, многократно обращались с жалобами на возобновление виноторговли и последствия данного шага. Основываясь на полученных обращениях, отец Афанасий ходатайствовал о закрытии винных лавок в Царском Селе¹⁰.

Однако эти письма и обращения не привели немедленно к желаемому результату. Вплоть до середины июля местные власти не проявляли никакого стремления к введению реальных законодательных ограничений на торговлю алкоголем.

В начале июля 1915 г. свою позицию в борьбе против свободной продажи спиртного четко обозначило Царскосельское уездное попечительство о народной трезвости. На заседании 7 июля его члены обратили внимание на то, что во многих населенных пунктах после утверждения 27 сентября 1914 г. Николаем II положения Совета министров о сроках прекращения торговли крепкими напитками на основании решений местных органов общественного управления подобная коммерческая деятельность была прекращена. Однако в дворцовых городах Царском Селе и Гатчине она продолжалась. Винно-водочная продукция доставлялась в населенные пункты в значительных объемах из Петрограда и распродавалась всем желающим, как местным жителям, так и приезжим, что способствовало алкоголизации населения и росту преступности. При этом направленные 23 октября 1914 г. и 3 мая 1915 г. обращения в Управление акцизными сборами о желательности прекращения торговли алкоголем остались без внимания. По результатам июльского заседания было принято постановление ходатайствовать перед властями всех уровней о закрытии ренсковых погребов и других мест продажи виноградных вин и других хмельных напитков, существовавших в Царском Селе и Гатчине, а 16 июля Царскосельский уездный комитет Попечительства о народной трезвости письмом своего председателя А. В. Ратькова-Рожнова уведомил об этом решении начальника Царскосельского дворцового управления¹¹.

Доведенные до крайности царскосельские бедняки-женщины также обратились напрямую к М. С. Путятину. Они писали о том, что временное закрытие торговли алкоголем позволило им несколько улучшить материальное положение своих семей, когда мужья стали нести деньги домой, а не пропивать. Возобновление же работы погребов обрекло их на нищенское, полуголодное существование, поскольку на этот раз на спиртное тратилось еще больше средств, чем прежде (вместо одного рубля три и даже пять рублей). Желанием просителей было, в случае невозможности полного запрета продажи вин, ввести практику выдачи разрешений на их покупку, когда отнюдь не каждый стал бы затруднять себя получением этих бумаг, что сократило бы число потребителей спиртного¹².

Потребовалось участие многих заинтересованных сторон, органов местного общественного управления, духовенства, общественных объединений

и самих жителей, для того чтобы власти Царского Села в лице начальника Дворцового управления предприняли реальные шаги для введения предусмотренных законодательством ограничений на торговлю алкоголем. 20 июля 1915 г. М. С. Путятин обратился с рапортом к министру императорского двора о разрешении ввести в городе «впредь до окончания войны» порядок торговли спиртным, принятый в Петрограде, а на следующий день письмо с уведомлением об этом было направлено управляющему акцизными сборами Петроградской губернии. Согласие министра императорского двора на изменения в организации продажи алкоголя последовало 1 августа 1915 г., примерно тогда же разрешение на эти нововведения поступило со стороны Петроградского губернатора, и 3 августа начальник Царскосельского дворцового управления предписал местной полиции по примеру столицы допускать продажу любых вин из ренсковых погребов, имеющих разрешение на этот вид торговли, исключительно для лечебных и технических целей по предъявлении покупателями рецептов местных врачей с приложением соответствующих разрешений от полицмейстера. О данном решении были уведомлены Городовая ратуша, управляющий акцизными сборами Петроградской губернии, начальник Царскосельского гарнизона, Царскосельский уездный комитет Попечительства о народной трезвости и настоятель Царскосельского Екатерининского собора протоиерей А. И. Беляев¹³.

Похожая ситуация сложилась к лету 1915 г. и в Гатчине. Помимо вполне логичного роста алкоголизации местного населения, согласно донесению, направленному в июле 1915 г. сначала петроградскому губернатору А. В. Адлербергу, а затем и министру императорского двора В. Б. Фредериксу, наблюдался наплыв лиц, приезжавших из столицы специально для приобретения алкоголя. В связи с этим, признавая принятые ранее ограничительные меры недостаточными и, более того, способствовавшими чрезмерному обогащению отдельных частных предпринимателей, руководство Гатчинского дворцового управления полагало единственным возможным выходом «запретить всем без исключения существующим в Гатчине ренсковым погребам свободную продажу виноградного вина какой бы то ни было крепости, разрешив лишь отпускать вино по рецептам докторов или по разрешительным запискам местного полицмейстера». При этом идею о необходимости введения ограничений руководство Гатчины высказывало еще в конце мая¹⁴.

Для надлежащего бюрократического оформления такого решения Н. Н. Крестьянов предпринял несколько шагов. Прежде всего, он связался с начальником Царскосельского дворцового управления М. С. Путятиным, от которого получил копии документов, подготовленных последним в ходе работы над установлением в Царском Селе «единообразного с принятым в столице порядка продажи впредь до окончания войны спиртных напитков, в том числе и легких виноградных вин»¹⁵. Кроме того, поскольку по закону продажа алкоголя прекращалась в населенных пунктах по решению местных органов общественного управления; а сама Гатчина не имела подобного органа и находилась в ведении Царскосельской городской ратуши, то Гатчинское дворцовое управление в середине августа 1915 г. обратилось в Царскосельское дворцовое

управление с просьбой посодействовать принятию ратушей соответствующего постановления. Это обращение достигло своей цели, 28 августа 1915 г. было решено: «Принимая во внимание неоднократные заявления обывателей Гатчины о желательности полного прекращения пьянства в городе и единогласное постановление Гатчинского городского Попечительства о народной трезвости по сему предмету, Городовая ратуша, считая своим непеременимым долгом перед Родиной пойти навстречу гражданам, пожелавшим отказать себе в излишествах в тяжелую годину испытания, постановила признать необходимым впредь до окончания войны введение в Гатчине таких же ограничений по продаже вина, какие существуют и по городу Царскому Селу, а именно: допускать в продажу из тех ренсковых погребов, для которых имеется на сей предмет разрешение Акцизного начальства, всякого рода вин, не исключая и легких виноградных, лишь для лечебных и технических целей, и притом не иначе как: в первом случае по рецептам гатчинских врачей, подтвержденным разрешением полицмейстера города, а во втором также по выдаваемым полицмейстером разрешениям»¹⁶. Однако управляющий акцизными сборами Петроградской губернии отмечал, что вступить в действие данное решение могло лишь по истечении трех месяцев со дня принятия, касалось оно только продажи алкоголя для прямого употребления и не распространялось на заведения, имевшие право продажи этой продукции для специальных нужд по циркуляру министра финансов от 5 ноября 1914 г. № 2385. Но во втором пункте положения Совета министров от 27 сентября 1914 г., напротив, указывалось, что решения местных органов общественного управления и приравненных к ним учреждений о прекращении в населенных пунктах продажи алкогольных напитков вступают в действие не позднее трех месяцев со дня получения соответствующего ходатайства-уведомления¹⁷. Таким образом, управляющий вольной трактовкой законодательства воспрепятствовал скорейшему воплощению в жизнь общественно важного постановления.

Через полтора месяца после принятия Царскосельской городской ратушей решения о необходимости прекращения в Гатчине свободной торговли алкоголем, получившего поддержку министра императорского двора, 13 октября 1915 г. начальник Гатчинского дворцового управления гвардии полковник Н. Н. Крестьянов, ранее уведомленный управляющим акцизными сборами о необходимости выдержать трехмесячный срок до вступления этого постановления в законную силу, обратился уже в Канцелярию придворного ведомства, желая ускорить процесс. Однако руководство министерства после консультации с управляющим акцизными сборами в отношении, направленном 5 ноября, также указало, что запрет на продажу вина мог начать действовать лишь с 28 ноября¹⁸.

Нельзя сказать, что все представители местной администрации были изначально безразличны к проблеме распространения алкоголя в дворцовых городах. Так, начальник Петергофского дворцового управления М. А. Лермонтов еще в начале февраля 1915 г., отвечая на отношение петроградского вице-губернатора, касавшееся выдачи разрешений предпринимателям на продажу

в наступившем году крепких напитков, писал: «...для Петергофа полагал бы торговлю крепкими напитками ограничить до крайних пределов»¹⁹.

Меры к действительному ограничению торговли виноградными винами в Петергофе были предприняты также летом 1915 г. Однако здесь толчок последовал извне. 7 июля кронштадтский военный губернатор адмирал Р. Н. Вирен направил дворцовому коменданту письмо, в котором указывал: «На улицах Кронштадта появляется много лиц в нетрезвом виде, при задержании и опросе их полицией объясняется, что они напиваются вином, приобретаемым в Петергофе». Вирен интересовался, действительно ли в этом городе разрешена его свободная продажа. Копия обращения была переадресована М. А. Лермонтову с просьбой дать необходимый ответ и представить заключение по затронутому вопросу.

Через неделю, 17 июля 1915 г., начальником Петергофского дворцового управления в Канцелярию дворцового коменданта было направлено письмо с обстоятельным изложением предыстории и текущей ситуации с торговлей виноградным вином, а также личного отношения к этой проблеме. Он отмечал, что первоначально торговля вином была закрыта во всех заведениях 18 июля 1914 г. В середине сентября торговцы начали борьбу за возобновление этой коммерческой деятельности, а М. А. Лермонтов в своем отношении к петроградскому губернатору признавал возможным на тот момент дозволить ее лишь тем, кто имел письменное разрешение полицмейстера. 18 ноября 1914 г. продавать в Петергофе виноградные вина крепостью до 16 градусов решением А. В. Адлерберга получили право Петров и Алексеев. В феврале 1915 г. начальник Петергофского дворцового управления обратил внимание на то, что, хотя местные жители приобретали алкоголь в умеренном объеме, общие масштабы торговли были весьма значительными, когда ежедневно в город доставлялось по несколько подвод, а основной спрос при этом создавали приезжие из Петрограда и окрестностей, покупавшие вино целыми корзинами. Признавая подобное положение ненормальным, 23 февраля он ходатайствовал перед петроградским губернатором о введении ограничений, при которых приобретать алкоголь имели бы право только обладатели специальных бумаг, полученных у местного полицмейстера. Письмо осталось без ответа. Хотя с 3 по 21 марта 1915 г. по решению верховного главнокомандующего действовал полный запрет на виноторговлю, по его окончании число коммерсантов, имевших это право, удвоилось, к Петрову и Алексею добавились Демидов и Андреев. М. А. Лермонтов вновь обратился к А. В. Адлербергу с прежней просьбой 24 марта, отмечая, что главными потребителями вина оказываются приезжие из местностей, где эта деятельность запрещена, а бедный люд тратит на алкоголь значительную часть своих доходов. Спустя месяц он получил ответ на свое отношение; из ответа следовало, что ни главнокомандующий 6-й армией, ни петроградский губернатор не сочли возможным запретить в Петергофе свободную продажу легкого виноградного вина для всех погребов с правом его реализации исключительно обладателям разрешений, выданных местным полицмейстером. Изложив историю своих действий в деле борьбы за ограничение торговли алкоголем, начальник Петергофского дворцового управления обратился за содействием уже

к дворцовому коменданту, прося последнего ходатайствовать от своего лица «о воспрещении продажи вина в Петергофе из всех ренсковых погребов с разрешением лишь продажи легкого вина тем лицам, которые будут снабжены разрешительными записками исключительно от Петергофского полицмейстера»²⁰.

Однако еще до поступления ответа на письмо от 17 июля 1915 г., 21 числа того же месяца М. А. Лермонтов по телефону связался с начальником Царско-сельского дворцового управления, получив от него копии рапортов министру императорского двора и петроградскому губернатору о намерении установить впредь до окончания войны единообразный со столицей порядок реализации спиртных напитков²¹.

На особый порядок распространения алкоголя в Петергофе обратила внимание и пресса. 22 июля в Петергофское дворцовое правление из Канцелярии Министерства императорского двора поступило письмо с просьбой разобраться, насколько сведения, отраженные в статье «К вопросу о пьянстве» (газета «Новое время» от 17 июля) и касавшиеся состояния дел с продажей и потреблением вина, соответствовали действительности и какие могли быть предприняты меры для прекращения описанных в статье нарушений. К письму прилагалась вырезка с данным материалом, в котором говорилось о массовых приездах в Петергоф за алкоголем извне, о сверхдоходах содержателей ренсковых погребов и о нарушениях общественного порядка лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. При этом журналисты предлагали в качестве меры противодействия не запреты на торговлю, а репрессивные меры к потребителям спиртного (штрафы, обязательные работы и др.)²².

Буквально на следующий день, 23 июля, глава Петергофа получил от Петергофской городской ратуши копию заявления, поступившего от группы домовладельцев, включавшей около 40 чел. Составители и подписанты обращения отмечали, что полное прекращение в июле 1914 г. торговли любым алкоголем оказало благотворное влияние на обстановку в городе и уезде, поскольку «исчезли вечно пьяные, хулиганы, разного рода попрошайки и большинство нищих, кражи совсем прекратились». Однако разрешение на продажу виноградного вина ренсковым погребам и возможное возобновление этой деятельности в трактирных заведениях опять пробудили пьянство, вслед за чем могли вернуться и хулиганство, и попрошайничество, и прочие беспорядки. Ввиду того что в Петрограде запрет продолжал свое действие, а значительную часть реализуемого спиртного партиями скупали люди, специально приезжавшие из столицы, вставал вопрос о причинах возобновления продажи виноградных вин. Признавая сложившуюся ситуацию неподобающей, участники обращения призывали ратушу ходатайствовать о введении полного и окончательного запрета на торговлю в Петергофе любой алкогольной продукцией (от пива до крепких напитков), а также добиваться прекращения практики отпуска спиртного в офицерские собрания расквартированных в городе воинских частей. Петергофская городская ратуша своим рапортом поддерживала это обращение и запрашивала разрешение подготовить необходимые бумаги для ходатайства о закрытии местных ренсковых погребов. Данное предложение

было немедленно принято, в тот же день оформлено записью в журнале особое постановление, а его копия 24 июля представлена М. А. Лермонтову при рапорте с просьбой также обратиться к вышестоящим властям «о прекращении в Петергофе торговли разного рода вином и пивом во всех вообще без исключения торговлях Петергофа навсегда»²³.

Уже 25 июля 1915 г. начальник Петергофского дворцового правления отправляет вверх, в Канцелярию МИДа и непосредственно на имя министра, два рапорта. В первом, комментируя газетную статью, он отмечает, что неоднократно ходатайствовал о запрете в городе продажи алкоголя, но безрезультатно; однако именно эта мера, по его мнению, позволила бы устранить все проблемы, отмеченные в публикации. Второе донесение, в свою очередь, напрямую содержало подкрепленную заявлением петергофских домовладельцев, выпиской из журнала городской ратуши и справкой дворцового управления просьбу поддержать обращение о ликвидации свободной торговли вином во всех ренсковых погребах²⁴.

После получения одобрения министра императорского двора М. А. Лермонтов отправил отношение управляющему акцизными сборами Петроградской губернии, в котором, представляя заявление домовладельцев и особый журнал Петергофской городской ратуши от 23 июля 1915 г. и ссылаясь на статьи утвержденного императором 27 сентября 1914 г. положения Совета министров, просил согласовать распоряжение о воспреещении продажи крепких напитков в Петергофе. Управляющий акцизными сборами, принципиально одобрив приведение в действие решения о запрещении свободной торговли алкоголем, счел необходимым отметить со своей стороны два важных обстоятельства. Во-первых, деятельность частных мест продажи спиртного могла быть прекращена не ранее истечения трехмесячного срока с момента принятия Ратушей соответствующего постановления. Во-вторых, согласно особому разъяснению министра финансов от 7 мая 1915 г., запрет не распространялся на заведения, получившие право отпуска крепких напитков по разрешению полиции в порядке и на основаниях циркуляра министра финансов № 2385 от 5 ноября 1914 г. На середину августа 1915 г. этот статус имели в Петергофе ренсковые погреба Алексеева, АО «Савва Петров» и Гвардейского экономического общества, которые и после осуществления постановления Петергофской ратуши сохраняли возможность дистрибуции алкоголя на технические, научные и лечебные цели по предоставлению покупателям особых свидетельств от местной полиции. Остальные же торговые точки должны были получить уведомление о введении для них запрета на продажу винно-водочных изделий. Реализация этого решения началась 18 августа отправкой предписания Петергофскому полицмейстеру: «...допускать продажу из тех погребов, для которых имеется на сие разрешение Акцизного начальства, всякого рода вин, не исключая и легких виноградных, лишь для лечебных и технических целей и притом не иначе как, в первом случае, по рецептам Петергофских врачей, подтвержденным разрешением Вашего высокоблагородия, а во втором также по выдаваемым вами разрешениям, но отнюдь не приставами». При этом особо отмечалось, что в городе действовали лишь документы, выданные местными врачами

и полицейскими чиновниками, а документы из других местностей юридической силы не имели²⁵.

Не все торговцы смирились с необходимостью прекращения торговли алкоголем. Так, к концу октября 1915 г., когда должно было вступить в действие решение Городовой ратуши о запрете свободной продажи вина в Петергофе, права дистрибуции спиртного в рамках положений циркуляра министра финансов № 2385 имели уже четыре заведения против трех, поскольку особого статуса смог добиться содержатель ренского погреба Демидов. На основании переписки Петергофского дворцового правления и управляющего (заведующего) акцизными сборами Петроградской губернии о ежегодном переутверждении перечня заведений, имеющих специальное разрешение на реализацию алкоголя для технических и лечебных нужд, удалось установить, что подобное положение с числом избранных предпринимателей сохранялось вплоть до начала 1917 г., единственным изменением стал переход ренского погреба от Алексеева к Банг²⁶.

В Гатчине, где запрет свободной продажи алкоголя начал действовать 27 ноября 1915 г., деятельность целого ряда торговых точек, получивших особые разрешения, также продолжалась в 1916–1917 гг. как с целью обеспечения потребностей государственных учреждений и частных предпринимателей, которым алкогольная продукция требовалась для технических нужд, так и для отпуска винно-водочных изделий по разрешениям врачей для лечения. Кроме того, на рубеже 1915–1916 и 1916–1917 гг. первоначально составленный в начале 1915 г. отдельный список заведений, которые имели бы право питейной торговли в Гатчине в случае прекращения действия ограничительных мер, повторно согласовывался управляющим акцизными сборами Петроградской губернии с руководством дворцового управления. Состав данного перечня сохранялся прежним, что мотивировалось как неизменностью обстоятельств, вызвавших сокращение числа торговых точек, так и сохранением прежнего порядка ограничения продажи алкогольной продукции, т. е. до завершения боевых действий какие-либо послабления признавались принципиально невозможными. Расширения указанного перечня допущено не было, лишь заведения, получившие разрешения на реализацию спиртного для технических, научных, лечебных и других специальных потребностей в 1915 г., продолжали работать²⁷.

Введение ограничительных мер в отношении распространения алкогольных напитков отнюдь не гарантировало полного и безоговорочного искоренения практики приобретения спиртного для прямого употребления. Для минимизации этого явления управляющий акцизными сборами в начале сентября 1915 г. направил начальникам Петергофского и Гатчинского дворцовых управлений специальные отношения, в которых дополнительно разъяснил порядок администрирования дистрибуции винно-водочных изделий и просил довести данные указания до сведения всех заинтересованных лиц.

Так, надлежало строго следить за тем, чтобы разрешения на отпуск крепких напитков выдавались только местными полицейскими чинами на специальных бланках с исходящим номером, датой и печатью, указанием типа

напитков, количества бутылок и их предназначения. Действовали такие разрешения только один раз.

Кроме того, частные лица могли получать крепкие напитки лишь для лечебных целей по рецептам врачей, оформленным на специальных бланках с подписями и печатями в количестве не более одной бутылки или 600 граммов за один раз. Номенклатура же разрешенных для приобретения ликеро-водочных изделий ограничивалась перечнем, включенным в аптекарскую таксу. Сами же аптеки не имели права заказывать продукцию, не включенную в этот список.

При рассмотрении заявок от предпринимателей требовалось убедиться в том, что податель заявления является владельцем или представителем предприятия, а в отношении самих предприятий требовалось оценить параметры их действительной потребности в запрашиваемых типах и объемах алкогольных напитков, «дабы разрешением к отпуску чрезмерного количества напитков не создавать благоприятных условий к расходованию их не на ту надобность, на которую отпуск напитков допущен»²⁸.

Таким образом, хотя в результате продолжительной бюрократической подготовительной работы, инициированной в разных случаях снизу, сверху и даже со стороны, с поздней осени 1915 г. запрет свободной продажи алкоголя в дворцовых городах и начал действовать, деятельность целого ряда торговых точек продолжалась в 1916–1917 гг. как с целью обеспечения потребностей государственных учреждений и частных предпринимателей, которым алкогольная продукция требовалась для технических нужд, так и для отпуска винно-водочных изделий по разрешениям врачей для лечения. Кроме того, на рубеже 1915–1916 и 1916–1917 гг. управляющим акцизными сборами Петроградской губернии повторно согласовывался с руководством дворцовых управлений первоначально составленный в начале 1915 г. отдельный список заведений, которые имели бы право питейной торговли в случае прекращения действия ограничительных мер.

¹ *Баринова Е. П.* Антиалкогольная политика правительства в оценках российских предпринимателей в 1914–1916 гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2 (93). С. 94–100; *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России: 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: мат-лы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 1999. С. 147–159; *Розинская Н. А.* Влияние «сухого» закона на благосостояние населения во время Первой мировой войны // Экономическая история. 2014. № 3 (26). С. 31–36; *Семенова Е. Ю.* Обыватель поволжского города в условиях действия «сухого закона» периода Первой мировой войны: настроения и социальная практика // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2–2. С. 170–176; *Чуканов И. А.* Введение сухого закона в 1914 г.: необходимость и последствия // Поволжский педагогический поиск (научный журнал). 2013. № 3 (5). С. 69–72; *Щербинин П. П.* Алкоголь в повседневной жизни российской провинции в период Первой мировой войны 1914–1918 годов // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2003. Т. 1, № 2 (16). С. 62–72.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 487. Оп. 7. Д. 5400. Л. 2.

³ Там же. Д. 5367. Л. 1–1 об., 3.

⁴ Там же. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1046. Л. 28, 30–31, 33.

- ⁵ Там же. Л. 34, 36–38; Д. 1099. Л. 1–2.
⁶ Там же. Д. 1099. Л. 6–7 об.
⁷ Там же. Л. 8–13, 15–17.
⁸ Там же. Ф. 490. Оп. 4. Д. 2388. Л. 46–50.
⁹ Там же. Ф. 487. Оп. 7. Д. 5373. Л. 1–4, 22–24, 26.
¹⁰ Там же. Л. 5–5 об., 25–25 об.
¹¹ Там же. Л. 6–7 об.; 27–28 об.
¹² Там же. Л. 8–9.
¹³ Там же. Л. 15, 19, 33–36, 39.
¹⁴ Там же. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1099. Л. 4, 24–25.
¹⁵ Там же. Л. 28, 32–32 об.
¹⁶ Там же. Л. 35–36 об., 38–39 об.
¹⁷ Там же. Л. 52, 56–58, 62–62 об., 66.
¹⁸ Там же. Л. 58, 62–62 об., 66.
¹⁹ Там же. Ф. 490. Оп. 4. Д. 2388. Л. 95–96.
²⁰ Там же. Д. 2399. Л. 1, 2, 5–6.
²¹ Там же. Л. 12; Ф. 487. Оп. 7. Д. 5373. Л. 16 об.
²² Там же. Ф. 490. Оп. 4. Д. 2399. Л. 23–24.
²³ Там же. Л. 9–11 об., 15.
²⁴ Там же. Л. 17–17 об., 25–25 об.
²⁵ Там же. Л. 20, 26, 30–30 об., 34–34 об., 40–40 об.
²⁶ Там же. Л. 154, 169–170 об.
²⁷ Там же. Ф. 491. Оп. 3. Д. 1099. Л. 63–63 об.; Д. 1131. Л. 3–8.
²⁸ Там же. Д. 1099. Л. 46–47; Ф. 490. Оп. 4. Д. 2399. Л. 116–118.

Статья поступила в редакцию 13 марта 2018 г.
Рекомендована в печать 3 декабря 2018 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ефимов А. А. «Полусухой» закон: особенности регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в период Первой мировой войны // *Новейшая история России.* 2019. Т. 9, № 1. С. 96–109. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.106>
УДК 94(47).083

Аннотация: Проблема организации торговли алкогольной продукцией в годы Первой мировой войны отнюдь не обойдена вниманием исследователей, в многочисленных публикациях рассматривались разные аспекты этой проблемы. Однако отдельные историографические лакуны сохраняются и здесь. Одна из них — вопрос об организации продажи спиртного в дворцовых городах — Царском Селе, Петергофе и Гатчине, — находившихся на особом положении, подчинявшихся не напрямую общей губернской администрации, а состоявших в ведении Министерства императорского двора. Автор статьи на основе материалов Российского государственного исторического архива раскрывает общие особенности политики местных дворцовых управлений, Придворного ведомства и представителей властей в целом по отношению к этой сфере коммерческой деятельности. В условиях неопределенности относительно длительности запрета на свободную торговлю алкоголем чиновникам Министерства императорского двора приходилось перестраховываться, согласовывая каждое решение с Управлением акцизных сборов Петроградской губернии. При этом либерализация торговли вином в начале 1915 г. привела к наплыву скупщиков вина из столицы, и к концу того же года свободная продажа спиртного в дворцовых городах была запрещена. Однако на случай отмены ограничения в 1915–1917 гг. ежегодно утверждался список торговых точек, которые имели бы право торговли спиртным; несколько заведений в каждом из населенных пунктов смогли добиться права реализации алкогольной продукции на основаниях специального циркуляра министра финансов для технических, учебно-научных и лечебных целей.

Ключевые слова: Первая мировая война, Петергоф, Гатчина, Царское Село, Министерство императорского двора, ограничения, торговля алкоголем.

Сведения об авторе: Ефимов А. А. — канд. ист. наук, науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); aaefimov5@gmail.com

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

FOR CITATION

Efimov A. A. 'A "Semi-Dry" Law: The Peculiarities of Regulation of Alcohol Merchandise in the Palace Towns Tsarskoe Selo, Gatchina and Peterhof During the First World War', *Modern History of Russia*, vol. 9, no. 1, 2019, pp. 96–109. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.106> (In Russian)

Abstract: While many scholars have addressed the issue of organizing the sale of alcohol during World War I, there are still "historical lacunae," one of which is connected with the policy towards the distribution of hard liquor in Tsarskoe Selo, Peterhof, and Gatchina, towns that had the special status being under the supervision of the Ministry of the Imperial Court, rather than the general administration of the Ministry of Internal Affairs. Using archival sources from the Russian State Historical Archive, the author examines the policy of local Palace administrations, the Court Department, and authorities on the whole in this sphere in 1914–1917. Due to the uncertainty of the duration of limits on sales of spirits, local officials had to be careful and accurate in their work, getting approval for every decision from officials at the Excise Department of the Treasury. Since indulgence in the sale of spirits, introduced in the beginning of 1915, led to massive arrival of buyers from Petrograd and other regions, by the end of that year free trade in spirits in the palace towns was eventually abolished. However, in the case of the abolition of restrictions in 1915–1917, a list of outlets with the right to trade in alcohol was approved annually; and several organizations in each of the settlements were able to gain the right to sell alcoholic beverages on the basis of a special circular from the Minister of Finance regarding technical, educational, scientific and medical purposes.

Keywords: World War I, Peterhof, Gatchina, Tsarskoe Selo, Ministry of the Imperial Court, alcohol merchandise limitations.

Author: Efimov A. A. — PhD, Research Fellow, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); aaefimov5@gmail.com

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya st., St. Petersburg, 197110, Russia

References:

Barinova E. P. 'Antialkogolnaya politika pravitelstva v otsenkakh rossiyskikh predprinimateley v 1914–1916 gg.', *Vestnik SamGU*, no. 2/2 (93), 2012.

Mak-key A. 'Sukhoy zakon v gody Pervoy mirovoy voyny: prichiny, kontseptsiya i posledstviya vvedeniya sukhogo zakona v Rossii: 1914–1917 gg.', *Rossiya i Pervaya mirovaya voyna: mat-ly mezhdunar. nauch. kollokviuma* (St. Petersburg, 1999).

Rozinskaya N. A. 'Vliyaniye "sukhogo" zakona na blagosostoyaniye naseleniya vo vremya Pervoy mirovoy voyny', *Ekonomicheskaya istoriya*, no. 3 (26), 2014.

Semenova E. Yu. 'Obyvatel povolzhskogo goroda v usloviyakh deystviya "sukhogo zakona" perioda Pervoy mirovoy voyny: nastroyeniya i sotsialnaya praktika', *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2–2, 2011.

Chukanov I. A. 'Vvedeniye sukhogo zakona v 1914 g.: neobkhodimost i posledstviya', *Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk*, no. 3 (5), 2013.

Scherbinin P. P. 'Alkogol v povsednevnoy zhizni rossiyskoy provintsii v period Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 godov', *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, vol. 1, no. 2 (16), 2003.

Received: March 13, 2018

Accepted: December 3, 2018